

**Почему были
Разрушены
Османы?**

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

Видение

Эта книга будет от начала взятие Стамбула Османами до их конца вы те заметили что они пали позорно после которого мы должны выйти из этого позора. Когда стореш Халифат то должно быть две вещи

1.Куран

2.Сунна

Без них ты не сможешь править.

Взятие Константинополя

К 1453 году Византийская империя уменьшилась до Пелопоннеса, нескольких островов в Эгейском и Мраморном морях и окраин Константинополя и больше не могла противостоять растущей мощи Османской империи. Начиная с Баязида I, османские султаны несколько раз осаждали и блокировали Константинополь (в 1393—1394 годах, в 1394—1402 годах, в 1411 году, в 1422 году). Они не смогли захватить город, однако добились контроля над большей частью Балкан.

Последняя осада началась в апреле 1453 года. Несмотря на многочисленные обращения ромеев к Западу, на помочь императору Константину прибыл лишь небольшой итальянский контингент. В совокупности с пятью тысячами ромеев общее число защитников Константинополя достигало семи или восьми тысяч человек. Османская армия значительно превосходила их численностью: у Мехмеда II было около восьмидесяти тысяч солдат и более ста двадцати кораблей. 29 мая 1453 года после двух месяцев сопротивления Константинополь пал. Последний византийский император Константин XI погиб в битве. Мехмед II въехал в захваченный и разграбленный город, в память о взятии которого он получил прозвище Фатих (от араб. فاتح — »завоеватель«), и сделал Константинополь новой столицей своей империи. Победа обеспечила османам господство в бассейне Восточного Средиземноморья. Город оставался столицей Османской империи вплоть до её распада в 1923 году.

Падение Константинополя оказало глубокое влияние на весь мир, особенно на Западную Европу. Падение Константинополя, «второго Рима», породило концепцию преемственности — Третьего Рима (в том числе и концепцию Москва — третий Рим). Многие историки, в том числе Ж. Мишле, полагали, что падение Константинополя представляет собой конец Средневековья и начало Возрождения. Однако эта точка зрения всё чаще опровергается современными историками, которые рассматривают падение Константинополя лишь как конец Римской империи.

В османском руководстве противостояли две партии. Халил-паша, бывший великий визирь Мурада, представлял партию ветеранов. Он выступал против дорогостоящей войны и неясного результата: взятие Константинополя не казалось ему приоритетом, а угроза, которую город представляет для Османской империи, виделась визирю незначительной.

Этой точке зрения противостояли более молодые протеже Мехмеда. Мехмед неуклонно двигался к намеченной цели. В конце 1451 года он конфисковал доходы городов долины Нижней Струмы, которые были выделены на содержание Орхана, изгнал греков из этих городов, и мобилизовал рабочих на строительство Румелийской крепости — Румели-Хисар — первоначально носившую название Богаз-кесен («перерезающий пролив», «блокирующий пролив»). Строительство началось под присмотром Заганоса 15 апреля 1452 года, а через полтора месяца, 26 мая, к месту строительства прибыл с проверкой хода работ Мехмед. Румели-Хисар была построена в самом узком месте Босфора, на европейском берегу на несколько километров севернее Перы, напротив крепости Анадолу-Хисар (Анатолийская крепость), построенной прадедом Мехмеда, Баязилем. В этом месте пролив имеет минимальную ширину (702 метра). Такое расположение крепостей позволяло держать под контролем проход судов через Босфор. Отныне все корабли под угрозой османских пушек должны были причаливать к побережью, где их досматривали и брали плату за проход. Для строительства крепостей османы в июне снесли несколько церквей и зданий, что вызвало протест местных жителей, в ответ янычары окружили и перебили их. Константин嘗試ed помешать строительству крепости. Император понимал, что это сооружение — первый шаг к нападению на Константинополь. Оно делало невозможным доставку подкреплений и продовольствия из генуэзских колоний Чёрного моря. Поскольку Дарданеллы тоже были под османским контролем, это означало полную блокаду Константинополя с моря. Теперь у Мехмеда появилась возможность задушить Константинополь голодом. Император отправил посольство к султану, чтобы выразить своё несогласие со строительством. Послы ссылались на византийско-османский договор, запрещавший возвведение крепостей в регионе, но Мехмед II просто проигнорировал послов и не принял их. В ответ император заключил под стражу нескольких османских подданных, находившихся в Константинополе. Затем он всё-таки освободил их и отправил к султану новую миссию, которая снова ничего не дала. В июне 1452 года император предпринял последнюю попытку добиться от султана заверений, что строительство крепости не направлено против Византии, но эта попытка закончилась казнью византийских послов по приказу султана, что фактически было объявлением войны. Константин перевёл город на военное положение и перекрыл все выходы, кроме военных ворот.

Большая часть османской армии была мобилизована для взятия города. Только люди Турахан-бея и пограничные гарнизоны не участвовали в сражении. Западные свидетели осады, которые были склонны преувеличивать военную мощь султана, приводили нереально высокие цифры. Ф. Бабингер и С. Рансимен полагали, что Османская империя в то время могла мобилизовать не более 80 000 регулярных солдат. Помимо регулярных войск, в осаде участвовали иррегулярные войска, которых привлекала возможность разграбления города после его оккупации. По словам С. Рансимена, в османской армии было около 20 000 башибузуков.. Другие авторы тоже упоминают башибузуков в армии Мехмеда. Хотя иррегулярные отряды в османских кампаниях присутствовали всегда, всё же неясно, насколько их организация совпадала с организацией башибузуков, появившейся в XVIII веке. В османской армии насчитывалось 12 000 янычар. Они были элитной частью армии Мехмеда. Кроме того, Джурадж Бранкович, деспот Сербии и вассал султана, отправил отряд из полутора тысяч всадников Константинополь был легко достижим со стороны моря, но захватить город без флота было практически невозможно. Османский флот долго был в зачаточном состоянии, и для обеспечения связи между Европой и Азией султанам часто приходилось использовать корабли других стран. Например, для переброски армии в 1448 году из Анатолии в Румелию Мурад платил генуэзцам Фокеи. Но за месяцы,

предшествовавшие осаде, Мехмед построил крупный флот, который в марте сконцентрировался в Галлиполи. Командовал флотом санджакбей Галлиполи Сулейман Балтоглу. С. Рансимен, основываясь на показаниях итальянских моряков, утверждал, что в османском флоте было шесть трирем, десять бирем, пятнадцать гребных галер, около семидесяти пяти фуст (небольших быстроходных судов) и двадцать парандарий — тяжёлых грузовых барж. При этом Рансимен не называл общее количество кораблей. Христианские источники в целом согласны с тем, что османский флот был огромен, и его появление вызвало настоящий шок у осаждённых.

Мехмед приказал спроектировать артиллерийские орудия, достаточно мощные, чтобы разбивать стены. Незадолго до начала боевых действий венгерский пушечный мастер Орбан предложил Константину Драгашу свои услуги. Однако в императорской казне не хватало средств для участия в битвах, поэтому его предложение построить пушки, которые помогли бы защитить город, пришлось отклонить. Тогда Орбан обратился к Мехмеду, который заплатил сумму, в четыре раза превышающую ту, которую просил Орбан. Имея достаточно средств и материалов, венгерский инженер построил в Эдирне орудие за три месяца. Огромная пушка, названная «Базилика», которую Орбан сделал для Мехмеда, была чудом техники. Она была длиной 26 футов и 8 дюймов (8,1 м) и была способна метать каменные шары весом 600 фунтов (270 кг) на милю (1,6 км) (Рансимен писал про 1200 фунтов) По словам проосманского историка XV века Критовула, «эта пушка решила всё». Нестор Искандер, участвовавший в осаде, писал: «Были у них две пушки огромных, тут же отлитых: у одной ядро высотой до колена, а у другой — до пояса». Но у «Базилики» было несколько недостатков: для перезарядки требовалось три часа; пушечных ядер было очень мало. До осады Константинополя было известно, что османы способны отливать пушки среднего размера, но размеры некоторых орудий, которые они смогли создать и использовать, намного превзошли все ожидания защитников города. Османы развернули ряд пушек, от 50 до 200. Они были созданы на литейных заводах, где работали османские инженеры и литейщики пушек, в первую очередь, Саруджа. Ранее Мехмед основал большой литейный завод на расстоянии около 150 миль (241 км), и теперь ему пришлось организовать доставку этих тяжёлых орудий. Готовясь к последней атаке, Мехмед приказал перетащить из Эдирне 69 крупных орудий в дополнение к бомбардам, отлитым на месте[58]. В этот поезд входила огромная пушка Орбана, которую тянули 30 упряжек, в котором было 60олов и более 400 человек. Фото внизу

С 11 апреля тяжёлые орудия были сконцентрированы на позициях в долине ручья Ликос. Получив отказ Константина сдать город, султан приказал начать обстрел. Османы подвезли две огромные бомбарды, в том числе Базилику Орбана, которая производила огромные разрушения в стенах Константинополя, хотя могла производить не больше семи выстрелов в день. После двух дней обстрела были частично обрушены стены у Харисийских ворот, обломками был частично засыпан ров. В ту же ночь население вышло к стене, чтобы очистить ров и починить стены. Вплоть до окончательного падения города каждую ночь жители выходили к стенам для их ремонта. Мехмед, ожидавший дополнительных орудий, приостановил обстрел и направил войска засыпать рвы у стен. Османский флот 9 апреля безуспешно попытался форсировать Золотую Цепь, после неудачи Балтоглу отвёл суда и решил дождаться черноморской части флота. Вскоре после его прибытия 12 апреля в районе Золотого Рога произошли бои. Османские суда стреляли из пушек, а моряки пытались штурмовать христианские корабли. Однако более высокие византийские и итальянские суда смогли отбить атаку и даже перейти в контратаку. Под угрозой окружения Балтоглу отступил. Из-за малой эффективности артиллерии на судах султан установил пушку на мысе Галаты, которая уничтожила один из христианских кораблей, после чего христианский флот ушёл глубже в Золотой Рог.

По утверждению участника защиты города Николо Барбаро, с 12 по 18 апреля активных действий не происходило, османы лишь обстреливали из пушек стены. В этот период Мехмед захватывал оставшиеся ещё византийскими крепости в окрестностях Константинополя. Замок в Ферапии на берегу Босфора обстреливали двое суток, его гарнизон сдался лишь после того, как замок был совсем разрушен. Замок Студиос на Мраморном море был захвачен за один день. Пленников — 36 солдат Студиоса и 40 — Ферапии — посадили на кол перед стенами Константинополя. На главном острове Принцевых островов Принкipo отказался сдаться гарнизон башни возле монастыря Св. Георгия из тридцати солдат. Балтоглу обстрелял башню перенесёнными с кораблей пушками, но их выстрелы оказались бессильны разрушить толстые стены. Тогда башню обложили сухими ветками и подожгли, часть защитников сгорела, тех, кто попытался прорваться, захватили и казнили. В отместку за сопротивление гарнизона Балтоглу продал в рабство всех жителей острова.

В ночь на 18 апреля в Мезотихоне (между воротами Св. Романа и Харисийскими) османы предприняли первый крупный штурм стен Константинополя. Засыпав ров, они пытались скечь заграждения из кольев, чтобы подобраться к разрушенной части стен и прорваться в город, однако Джустиниани успешно отразил этот удар. Осаждённым помогло то, что при сражении в узком пространстве многочисленность османов не давала им преимущества, в то время как на первый план вышел опыт солдат Джустиниани. После четырёх часов боя османы отступили. По словам Барбаро, они потеряли двести человек, а христиане — ни одного. Этот бой поднял дух осаждённых.

20 и 21 апреля

Спустя несколько дней противостояние продолжилось уже на Мраморном море. Утром 20 апреля три генуэзских корабля с продовольствием и снаряжением под командованием капитана Флантанеласа и византийский корабль с сицилийской пшеницей приблизились к Константинополю. В устье Босфора у мыса Серальо весь османский гребной флот окружил четыре христианских судна и атаковал их. Но христиане имели преимущество, поскольку их суда были выше, и с них было

удобно осыпать противников стрелами и копьями. Подойдя к византийским берегам, суда ждали, пока южный ветер стихнет. Население города устремилось к крепостным валам, чтобы посмотреть на битву, а султан выехал к морю, отдавая приказы. Сначала ветер гнал корабли к юго-востоку от города и к безопасному берегу Золотого Рога, но ветер внезапно стих, когда корабли находились под стенами Акрополя, и течение начало гнать корабли к берегу Галаты, где находился Мехмед со своей армией. Османы сначала обстреливали суда христиан, а затем, потерпев неудачу и не потопив их, они решили идти на абордаж. Генуэзцам удалось отразить многочисленные атаки, используя преимущество в уровнях палуб, а ромеи отбились, используя греческий огонь. Однако византийский корабль сильно пострадал и оказался на грани затопления, поэтому генуэзские суда подошли к нему вплотную, сцепились и удержали на плаву. Несмотря на большие потери, османы продолжали атаковать суда. Казалось, что христианские моряки скоро будут побеждены, но ветер снова изменился и помог им зайти в Золотой рог. Этот небольшой успех вызвал у жителей города подъём духа. Османские потери составили около ста убитых и трёхсот раненых. Христианские потери составили 23 убитых, но половина оставшихся моряков была ранена. Среди османских военачальников неудача в попытке задержать суда привела к возобновившимся дискуссиям о целесообразности продолжения осады. Во время боя Балтоглу был тяжело ранен в глаз. После поражения он предстал перед султаном, который приказал отрубить ему голову (посадить на кол). Его жизнь была спасена янычарами, которые свидетельствовали о его мужестве и упорстве в бою, после чего Мехмед отменил своё решение. Несмотря на то, что опальный адмирал не был казнён, его имущество было раздано янычарам, а самого его били по подошвам (Дука утверждал, что Мехмед лично дал Балтоглу сто ударов) На его место Мехмед назначил Хамзу-бея

Несмотря на то, что постоянный обстрел стены уже привёл 21 апреля к разрушению одной из башен (Виктиниева башня) возле ручья Ликос, османы не атаковали её. Если бы в это время османы пошли на штурм, то, по оценкам очевидцев, город бы пал. Однако султан в это время был на берегу Босфора в месте, называемом Две Колонны, видимо, планируя переброс судов. Отсутствие в тот момент султана у стены спасло город, а затем брешь была быстро заделана подручным матирьялом. После боя 21 апреля защитники соорудили на нижней части долины частокол, заменивший внешнюю стену, чтобы нейтрализовать опасность, возникшую от появления бреши

Примерно к 24 апреля относится происшествие с пушкой Орбана. Нестор Искандер писал о её разрушении в 13-й день боёв: «Зустунея [Джустиниани] же, наведя пушку свою, попал в ту пушку, и разорвало у неё зелейник»

Перетаскивание судов

Мехмед II решил использовать хитрость для попадания его судов в Золотой Рог. Во время кампании в Ломбардии венецианцы перетаскивали суда по сухе с реки По на озеро Гарда на деревянных платформах с колёсами. Вероятно, об этом султану сообщил один из находившихся у него на службе итальянцев. В отличие от венецианцев, которые переправляли свои корабли через равнину, Мехмеду приходилось перебрасывать свой флот по холмистой местности с перепадом высот

более 60 м. План состоял в том, чтобы построить дорогу из промасленных брёвен через Галатский холм рядом со стенами Перы (Галата) от Босфора до Золотого Рога, по которой корабли будут тащить на берег Золотого Рога, где их снова спустят на воду. Начало маршрута находилось у Двух Колонн (обозначены на карте Буондельмонти, находились там, где сейчас расположен Долмабахче). Мехмед организовывал работу с 21 апреля с помощью тысяч мастеров и рабочих, в то время как пушка, установленная около Перы, непрерывно бомбила окрестности цепи, чтобы скрыть приготовления. На рассвете 22 апреля первые корабли были перетащены с помощью волов в Золотой Рог. Собранные повозки с литыми колёсами были спущены под воду, подведены под корпуса судов, а затем при помощи быков вытащены на берег вместе с судами. Вскоре османские корабли спустили на воду напротив ворот Спига (в месте спуска судов на воду сейчас расположена гавань Касымпаша в Галате), и они бросили якорь в Золотом Роге. Ашикпашазаде утверждал, что было переправлено 70 судов, Константин из Островицы — 30. Современные событиям христианские источники называли от 67 (Критовул) до 80 (Якопо Тетальди).

23 апреля защитники Константинополя провели совет, но у них было мало вариантов действий. Капитан Джакомо Коко из Трапезунда предложил поджечь турецкий флот греческим огнём со своих кораблей после наступления темноты. Сначала планировалось осуществить задуманное в ночь на 24 апреля, но операция была отложена до 28 числа. В ночь на 28 апреля, как только христианские корабли подняли якорь, с одной из башен Галаты османам был послан яркий световой сигнал, и корабль Кока был уничтожен артиллерией поджидавших османов. Одной из галер и транспорту удалось выйти без особых повреждений, но малые суда понесли большие потери. Мехмед велел казнить захваченных моряков (40 или 33) перед городскими стенами, в ответ ромеи казнили на стенах на виду османской армии двести шестьдесят пленных. Потери защитников составили галера, фуста и девяносто матросов

Современники обвиняли генуэзцев в том, что они сообщили султану об этих планах: Дука обвинял их прямо, Барбаро называл предателем подеста Галаты, архиепископ Леонардо на предательство намекал, Михаил Критовул и Убертино Пускуло писали, что Мехмед получил информацию из Галаты. Пускуло назвал предателя из Перы, известившего султана о планах осаждённых, Анджело Заккария. Такие обвинения трудно опровергнуть, но по словам Э. Пирса, «следует помнить, что крик о предательстве обычно поднимается в аналогичных случаях, когда что-то идёт не так, и, поскольку подготовка должна была быть известна очень многим людям, то было бы действительно удивительно, если бы Мехмед не узнал того, что знал о так много людей».

Захват части Золотого Рога позволил османам улучшить связь между армией у стен Константинополя и войском Заганоса, стоявшим у Перы. Они соорудили pontонный мост из сотни связанных попарно винных бочек через Золотой рог и им более не приходилось объезжать его и делать крюк. Мост оказался полезен и в

другом — на нём установили орудия и обстреливали стены Влахерн, самые слабоукреплённые, со стороны моря

Появление вражеского флота оказало разрушительное воздействие на настрой населения, в котором хранилась память об ужасах захвата города крестоносцами, проникнувших в город через морские стены со стороны Золотого Рога. Чтобы предотвратить повторение катастрофы 1204 года, обороняющимся пришлось часть и без того небольшого контингента защитников города перебросить на эти стены. В заливе была лишь часть флота османов, вторая его половина оставалась в Босфоре, и осаждённые были вынуждены держать свой флот у цепи, чтобы помешать обеим частям османского флота соединиться

26 января 1453 года Минотто обратился за помощью к Сенату Венеции. Хотя его обращение было получено 19 февраля, флот во главе с Альвизо Лонго вышел только 13 апреля. При этом он направился не к Константинополю, а к Тенедосу — для сбора информации о ситуации в Константинополе и об османских войсках. По инструкции Альвизо Лонго должен был ждать там адмирала Джакомо Лоредано до 20 мая, прежде чем отправиться к Константинополю и подчиняться байло Минотто. Лоредано же до 7 мая не покидал Венецию, а затем отправился на Корфу, чтобы к нему присоединилась галера с острова. Вместе с Лоредано ехал венецианский посол к султану Бартоломео Марчелло. В инструкции дипломата входило попытаться заключить мир между сторонами, заверив Мехмеда в мирных намерениях Венеции.

Папа изо всех сил пытался организовать экспедицию по оказанию помощи Константинополю, но в Италии все были убеждены, что город может продержаться ещё долго. 10 апреля Венеция узнала, что кардиналы готовятся за свой счёт снарядить небольшой флот из пяти кораблей. При этом после 31 мая северные ветры затрудняли судоходство в проливе и любая помощь была уже бесполезна. Только 5 июня (через неделю после падения Константинополя) представитель Республики Рагуза сообщил Венеции, что папа готов заплатить 14 000 дукатов за флот. В Венеции сочли эту сумму недостаточной, что задержало отправку экспедиции, в которой к тому же уже не было необходимости

После частичного захвата Золотого Рога османы продолжили обстрел города без прямого штурма. Жители города столкнулись с нехваткой продовольствия. Запасы уменьшились, рыбаки больше не могли ловить рыбу из-за османских кораблей в Золотом Роге. В осаждённом городе всё ещё была жива надежда, что Запад не забыл о них и что христианская армия или флот уже на пути к городу. Император решил послать корабль на поиски венецианской эскадры. 3 мая христианское судно с османским флагом и командой в османской одежде вышла из Золотого Рога в сторону Эгейского моря. 23 мая корабль вернулся в город, так никого и не обнаружив. Команда корабля могла не возвращаться в Константинополь и спастись, но моряки решили разделить с осаждёнными их судьбу. Константину снова предложили покинуть Константинополь и отправиться на Запад, чтобы

просить помощи, как его отец Мануил II во время осады Баязида в 1399 году. Но император категорически отказался, решив остаться в городе

Между тем в Константинополе накалились отношения между генуэзцами и венецианцами. Первых обвиняли в предательстве, приведшем к неудаче 28 апреля, а те в ответ обвиняли венецианцев в трусости. Моральный дух осаждённых слабел[. Мехмед продолжал требовать сдачи города, предлагая в обмен гарантии безопасности жителям и их имуществу, и обещая императору изгнание в Морею. В начале мая интенсивность бомбардировок увеличилась, а 6 мая была восстановлена пушка Орбана. По словам Нестора Искандера, на 25-й день осады «безбожный [султан] приказал снова прикатить ту огромную пушку, ибо, надеясь скрепить, её стянули железными обручами. И когда выстрелили из неё, тотчас же разлетелась пушка на множество частей». Стены города разрушались всё сильнее, несмотря на усилия жителей города по их ремонту. Османы снова попытались в ночь на 7 мая прорвать оборону у ворот Св. Романа, но, благодаря действиям императора и Джустиниани, они были отбиты. После этого нападения венецианцы решили вывезти всю военную технику со своих кораблей на склады в самом городе, а 9 мая император решил все венецианские суда, которые не были необходимы для защиты цепи на Золотом Роге, отвести в Просфорианский порт (расположенный у выхода из Золотого рога), а их команды отправить к повреждённым стенам Влахерна. Это решение было встречено моряками с неудовольствием, но к 13 мая они встали на стены. В ночь на 12 мая в месте, где соединяются двойные стены Феодосия II и стены Влахерн, османы опять штурмовали, но эта атака также была отражена. Благодаря прибытию венецианских моряков 13 мая была отражена новая атака османов, начавшаяся незадолго до полуночи.

После постановки на якорь большей части венецианского флота Мехмед решил, что его флоту в Золотом Роге ничто не угрожает и 14 мая снял всю артиллерию с северного берега залива и установил напротив стены Влахерн на понтонный мост. Через несколько дней артиллерия была переброшена в долину Ликоса. Главные орудия османов были расположены на холме напротив ворот Св. Романа, которые были самыми ненадёжными. После этого стены в долине Ликоса подвергались постоянному обстрелу.

Османы попытались подорвать фундаменты крепостных стен, прокопав туннели. Для этого использовали сербских горняков из Ново-Брдо. Сначала минёры рыли минные галереи в районе Харисийских ворот, но из-за неподходящих условий перенесли деятельность в район Калигарийских ворот. 16 и 17 мая османский флот с громким звуком труб и барабанов подошёл к цепи на Золотом Роге, имитируя атаку на неё. Однако, когда суда подходили к цепи, то просто проплывали мимо. То же самое повторилось 21 мая. Таким образом османы отвлекали внимание защитников и заглушали шум работ метров.

16 мая недалеко от Калигарийских ворот подкопы были обнаружены благодаря производимому минёрами шуму. В городе нашли среди защитников специалистов по горному делу и организовали рытьё контртуннелей под руководством инженера немецкого или шотландского происхождения Йохана Гранта. Некоторые из османских туннелей были затоплены, а другие ворвались византийские солдаты и убили землекопов. По словам Барбаро, в районе Калигарийских ворот, где нет барбаканов, подкопы обнаружили несколько раз: 21 мая в полдень (его подожгли), вечером 22 мая (его подожгли), ещё один туннель 22 мая рухнул сам. Утром 23 мая защитники обнаружили ещё один подкоп недалеко от того места, где были найдены остальные. Он тоже был подожжён и рухнул на минёров, когда прогорели опоры, но в этом туннеле удалось схватить двоих османов. После пыток они сообщили о местонахождении всех подкопов. Затем их головы были отрублены и переброшены через стены. После этого защитники обнаружили 24 и 25 мая два последних туннеля, один из которых был замурован, а второй обрушен. Больше подкопов не было. По словам Тетальди, всего их было 14.

Большим препятствием для атакующих османов был ров перед стеной, который они пытались засыпать, но защитники снова откапывали его по ночам. 18 мая Мехмед «приказал, собравшись всей силой, подкатить к стенам огромные крытые туры». Османы подтащили к разрушенной башне Св. Романа осадную башню и поставили её поверх рва. Барбаро описывал эти осадные башни как сооружённые из прочного каркаса, обтянутого верблюжьими шкурами. Изнутри их наполовину заполнили землёй, чтобы защитить находившихся в башне солдат. К башне прокопали ход, прикрыв его сверху. Под защитой башни османские солдаты засыпали ров. Хотя защитники днём пытались вывести башню из строя и разрушить, рабочие под её прикрытием за день зарыли траншею. Однако ночью несколько защитников подкрались к башне, подкатили бочки с порохом, зажгли фитили и отступили. Сильный взрыв разрушил башню, поэтому защитники смогли за ночь откопать большую часть траншеи и восстановить стены. Несколько других османских осадных башен были уничтожены аналогичным образом, после чего от этой тактики отказались, а оставшиеся башни были ликвидированы.

Моральный дух осаждённых пал после возвращения 23 мая корабля, не нашедшего помощи. Все знали о предсказаниях, что последний император, как и первый, будет носить имя Константин и будет сыном Елены. Так же было предсказание, что Константинополь не падёт на растущей луне. Но 24 мая было полнолуние, и затем луна должна была убывать, на это наложилось лунное затмение. Напуганные жители города решили на следующий день пройти крестным ходом, но икона упала, и её невозможно было поднять, затем хлынула ливень, сменившийся плотным туманом, а ночью вокруг купола Св. Софии заметили сияние. Николо Барбаро писал:

Этот знак фактически дал этому прославленному государю понять, что пророчества сбудутся и что его империя приближается к своему концу, как это и случилось. С другой стороны, этот знак показался туркам знаком победы, которые очень обрадовались и устроили большой праздник в своём лагере.

Боевой дух османского войска тоже ослабевал со временем. Османы опасались прибытия христианских подкреплений тем более, что Янош Хуньяди утверждал, что свободен от мирного договора, подписанныго с султаном. Кроме того, османский флот потерпел несколько неудач. Мехмед снова попытался добиться сдачи города. Примерно 25 мая он отправил в город посланника, Исфендиярголу Кызыл Ахмаду бею. С. Рансимен считал целью переговоров убедить византийцев сдать город в обмен на беспрепятственный выход со всем имуществом из города всем желающим и неприкословенность оставшимся жителям, а Константину — власть в Морее. По словам Ф. Бабингера, Мехмед предлагал Константину принять ислам для спасения. Однако император соглашался на огромный выкуп за снятие осады и уплату ежегодной дани 70 000 дукатов в будущем, на все условия, шёл на все уступки, кроме одной — сдачи Константинополя. В ответ Мехмед II озвучил невиданный размер выкупа и ежегодную дань в размере 100 тысяч золотых византинов, который город никак не смог бы выплатить. При этом, как Ф. Бабингер полагал вслед за Халкокондилом, реальной целью этих переговоров была не сдача города. Мехмеду было нужно, чтобы его человек проник в город и сообщил ему об обстановке внутри стен. 26 мая Мехмед собрал своих советников, чтобы выслушать их мнение. Халил-паша с самого начала был против конфликта с христианами и осады города, которая, по его мнению, принесла только убытки империи, а теперь армия рискует столкнуться с прибытием западных подкреплений. Мысль, что Халил-паша получал от византийцев подарки, громко не озвучивалась, но с этого времени визирь попал в немилость султана. Заганос-паша, как и многие другие более молодые военачальники, высказался за продолжение осады. По сообщению Георгия Сфрандзи, Заганос-паша доказывал, что Константинополю неоткуда ждать реальной помощи, ибо в среде «итальянских и других западных владетелей... нет единомыслия. А если всё-таки некоторые из них с трудом и многочисленными оговорками пришли бы к единомыслию, то в скором времени их союз потерял бы силу: ведь даже те из них, кто связан союзом, занят тем, как бы похитить принадлежащее другому, — друг друга подстерегают и осторегаются». Эти слова свидетельствуют о том, что султан и высшие сановники хорошо ориентировались во внешнеполитической обстановке. Мехмед поддержал тех своих помощников, которые настаивали на продолжении осады. Подготовка к крупной атаке была ускорена, был доставлен материал для закапывания траншеи, пушки были размещены на новых платформах, а интенсивность бомбардировки стен в районе Мезотихиона 26 и 27 мая увеличилось. В тот же день посланники Мехмеда объявили войскам о последнем штурме города и мотивировали их обещанием грабить завоёванный город в течение трёх дней. Весь день 27 мая войска закапывали ров, а в полночь работы были приостановлены, поскольку султан объявил понедельник 28 мая днём отдыха и подготовки к финальному штурму. Мехмед совершил общую инспекционную поездку. Он приказал всему своему флоту в Золотом Роге и в Мраморном море подготовиться к штурму, моряки должны попытаться взобраться на морские стены Константинополя, чтобы вынудить осаждённых рассредоточить силы и держать людей на каждом участке стены. Заганос должен был оказать помощь морякам, в то время как остальные

османские войска сосредоточились в районе стен Влахерна. Справа от него до ворот Харисиуса бейлербей Караджа-паша отвечал за наступление, а Исхак-паша и Махмуд-паша возглавляли войска Анатолии для штурма между воротами святого Романа и Мраморным морем. Султан взял под контроль сектор долины Ликос, самое слабое место византийской обороны[142]. Султан также встретился с представителями Перы и потребовал не оказывать никакой помощи осаждённому городу под угрозой наказания. В речи перед своими командирами и визириями он указал, что город не непобедим, и что защитники истощены, немногочисленны и непоследовательны.

Весь оставшийся день от рассвета до ночи турки ничего не делали, кроме как подносили к стенам очень длинные лестницы, чтобы использовать их на следующий день, который должен был стать кульминацией нападения. Таких лестниц было около двух тысяч, и после этого они воздвигли множество препятствий, чтобы защитить людей, которые должны были поднять лестницы к стенам

В городе о решении османов начать решительный штурм узнали сразу же, так как находившиеся в турецком войске христиане сообщили об этом осаждённым через записки, привязанные к стрелам и перекинутые через городские стены. Жителям и властям Константинополя было ясно, что последний час осады близок. Но и в эти последние часы между оборонявшимися не было единства. Обострился конфликт генуэзцев и венецианцев. Венецианцы снова обвиняли генуэзцев в нейтралитете Перы и предательстве. Леонардо описал, как, готовясь к последнему штурму, Джустиниани и Лука Нотарас спорили из-за того, где разместить артиллерию. Джустиниани предполагал, что главный удар примут на себя стены и башни в долине Ликоса, а Нотарас собирался укрепить ими защиту стен вдоль Золотого Рога. Конфликт пришлось разрешить императору, который принял сторону Джустиниана хотя другим конфликтом было противостояние итальянцев, участвовавших в защите города в основном добровольно, и местных жителей, греков. Итальянцы обвиняли греков в жадности:

В этот день мы, христиане, сделали семь повозок с мантелетами, чтобы установить их на сухопутные стены. Когда эти мантелеты были изготовлены, их принесли на площадь, и байло приказал грекам немедленно отнести их к стенам. Но греки отказались сделать это, если им не заплатят, и в тот вечер возник спор, потому что мы, венецианцы, были готовы платить наличными тем, кто их нес, а греки не хотели платить. Когда, наконец, защитные доски отнесли к стенам, было темно, и их нельзя было поставить на стены для атаки, и мы не использовали их из-за жадности греков

28 мая был произведён последний ремонт стен. В понедельник 28 мая в городе носили иконы вдоль улиц, прошёл крестный ход с пением «Помилуй нас», в котором участвовали все, кто в данный момент не стоял на посту или не занимался ремонтом укреплений, независимо от вероисповедания. Реликвии вынесли к самым слабым местам стен, а Константин произнёс заключительную речь перед всеми защитниками. Позже он уехал в замок во Влахерны, где попрощался с членами своей семьи. Затем император молился в храме Св. Софии, а к полуночи

уехал в сопровождении Сфрандзи на последнюю инспекцию стен, после чего они вернулись во Влахерны и наблюдали за приготовлениями османов с башни на самой выступающей части стены у Калигарийских ворот. Около часу ночи император отпустил своего секретаря

Вечером защитники вернулись на свои позиции. Джустиниани и его люди стояли в самом слабом месте стены Мезотихиона. Двери внутренней стены были закрыты, чтобы не было возможности отступить

К моменту последнего штурма стены Константинополя были серьёзно ослаблены, и османская артиллерия пробила три бреши. Первую между Адрианопольскими воротами и дворцом Порфиrogenитов, вторую — возле ворот Св. Романа в долине Ликоса, а третью — возле Третьих военных ворот. Но брешь в долине Ликоса была самой крупной

Лауро Квирини написал 15 июля Папе Николаю V письмо с Крита и описал последний штурм как три войны. Барбаро так же писал про три этапа:

Султан разделил своё войско на три группы по пятьдесят тысяч человек в каждой: одна группа состояла из христиан, которые содержались в его лагере против его воли, вторая группа состояла из людей неблагополучных, крестьян и т. п., а третья группа состояла из янычар

Первая волна: начало

В ночь с 28 на 29 мая около половины второго ночи османские войска по всей линии пошли на штурм через бреши. Последнее христианское богослужение в храме Св. Софии ещё продолжалось, когда началось последнее нападение на город. В османском войске барабаны, трубы и флейты подняли сильный, оглушающий шум. В Константинополе поднялась тревога, и все, способные носить оружие, заняли свои места на стенах и у брешей. Османы заполнили ров перед стенами, и осаждённые не могли их остановить. Несколько тысяч нерегулярных солдат с криками, звуком барабанов и труб атаковали стены Константинополя с целью измотать защитников. В их рядах были османы, славяне, венгры, немцы и итальянцы с приставными лестницами. За спиной этих ненадёжных солдат Мехмед разместил заградительный ряд янычар. Потери османов были очень тяжёлые. Усилия нападавших были сосредоточены в районе долины Ликоса[152][50]. Атака их была угрожающей лишь на этом месте, в остальных местах их легко отбивали. В районе Ликоса обороной руководил Джустиниани Лонго, здесь также были сосредоточены все аркебузы и пушки, бывшие в городе

Атакующие османские войска несли огромные потери, и многие воины были готовы повернуть назад, чтобы спастись от губительного обстрела со стен. Историк Дука писал, что сам султан, лично «стоя позади войска с железной палкой, гнал своих воинов к стенам, где льстя милостивыми словами, где — угрожая». По словам Халкокондила, наказанием оробевшему воину была немедленная смерть. Согласно псевдо-Сфрандзи «чауши и дворцовые равдухи (военные полицейские чины в турецкой армии) стали бить их железными палками и плетьями, чтобы те не показывали спины врагу. Кто опишет крики, вопли и горестные стоны избитых!». Нестор Искандер также утверждал, что османские командиры битьём принуждали

войнов атаковать. После двухчасового боя османские командиры дали команду отступить. Греки стали восстанавливать временные заграждения в брешах.

Вторая волна

Вторая волна

Мехмед приказал отступить и направил в атаку анатолийские войска Исхака-паши на брешь у Третьих военных ворот (Тритон). Бой в узком пространстве давал преимущество защитникам, большое количество нападающих мешало им самим. Пушка Орбана уничтожила частокол, что позволило трём сотням нападающих проникнуть внутрь стен, но отряду Константина удалось выдавить их наружу. На других участках обороны защитникам также удавалось отражать атаки. От южной стены отряд солдат отправился на подмогу к защитникам долины Ликоса, монахи и отряд Орхана отразили несколько атак со стороны Мраморного моря[153]. У стены Золотого Рога османы были не в состоянии реально угрожать византийской обороне. Атаки отряда Заганоса на дворец Влахерн оказались отбиты венецианцами, а атаки Караджи-паши были отбиты братьями Боккиарди

Третья волна: Ранение Джустиниани. Керкопорта

После отвода анатолийских войск Исхака-паши на стены обрушился шквал снарядов, за которым последовала третья атака. Её вели 3000 янычар, которых сам султан Мехмед довёл до крепостного рва и направил в атаку. Янычары наступали двумя колоннами. Одна штурмовала Влахернскую стену, вторая шла на пролом в районе Ликоса. Несмотря на усталость, защитники сумели отразить и эту атаку. По словам Барбаро, осаждённым померещилось, что победа возможна, когда на одной из башен появился османский флаг.

Как османы проникли в город, точно неизвестно. Никколо делла Туччия писал о флорентийце Нери, прожившем 36 лет в Константинополе и пользовавшегося доверием императора. Согласно Никколо, Нери были доверены ключи от ворот, и именно Нери открыл ворота для османов во время последнего штурма. Генуэзцы, заметив османский флаг, бросились к нему. В этот момент произошло событие, которое принято считать поворотным моментом последнего штурма и ключевым моментом осады— у ворот Св. Романа Джустиниани был ранен в грудь пулей или арбалетной стрелой (в руку или ббедр). Саад-эд-дин описывал это так: Вождь откровенных негодяев, сражавшихся с нашими героями, взошёл на валы, чтобы дать отпор поборникам религии. Отважный проворный юноша взобрался на стену замка, как паук, и, обнажив свою кривую саблю, одним ударом заставил его подобную сове душу вылететь из нечистого гнезда своего тела

Раненый Джустиниани послал одного из своих солдат к Константину Драгашу, чтобы попросить у него ключ от небольших ворот и попасть внутрь города.

Император отклонил эту просьбу, потому что перед атакой было решено, что после того, как солдаты выйдут в Периболос, ворота позади них будут заперты. Тем не менее, солдаты Джустиниани доставили командира в город, не слушая Константина. Венецианцы обвиняли Джустиниани в трусости и называли его виновником поражения. Барбаро даже не упоминал о ранении Джустиниани и просто заявлял, что Джустиниани дезертировал: Увидев это, Цуан Зустиньян, генуэзец из Генуи, решил оставить свой пост и сбежал на свой корабль, который

стоял у пирса. <...> и когда он бежал, он прошёл через город с криком: «Турки проникли в город!» Но он врал, потому что турок ещё не было внутри. Когда люди услышали слова своего капитана о том, что турки вошли в город, они все обратились в бегство, и все сразу бросили свои посты и бросились к гавани в надежде спастись на кораблях и галерах

С тех пор поступок Джустиниани вызывает дискуссии. Утверждается, что если бы он остался с отрядом на посту, Константинополь, возможно, был бы спасён

Нестор Искандер утверждал, что Джустиниани был ранен дважды. Накануне последнего штурма или в самом его начале «прилетело каменное ядро из пушки и, падая, ударило Зустуною в грудь и разбило ему грудь. И упал на землю, едва его отлили водой и перенесли в дом его». После ранения в грудь его «лечили всю ночь», но он так и не смог поправиться. Во второй раз «метнули копьём и попали в Зустуною, и ранили его в правое плечо, и упал тот на землю, словно мёртвый». Кроме Нестора Искандера двойное ранение Джустиниани упоминал Николаос Секундинос, попавший в Константинополь уже после осады (с венецианским посланником Бартоломео Марчелло) для переговоров о выкупе попавших в плен венецианцев. Секундинос писал: «Джованни [Джустиниани] ... начал терять надежду на спасение города и получил два ранения». Сведения Николаос собрал от уцелевших после осады в Константинополе. Второе ранение вызвало сильную

боль. Это ценная информация, объясняющая уход Джустиниани со стен.

Ранение Джустиниани источники описывали по-разному: стрелой в правую ногу; в грудь выстрелом из арбалета; свинцовая пуля пробила ему руку и повредила нагрудник; он ранен в плечо из кулеврины; ему нанёс удар кто-то из своих. По словам Р. Кроули, сторонника версии о двух ранениях, наиболее правдоподобно, что при втором ранении доспехи Джустиниани были пробиты свинцовой пулей, но за небольшим внешне отверстием скрывались тяжёлые повреждения.

Венецианцы и греки во главе с императором Константином остались одни[. Константин попытался остановить прорыв османов сам, без генуэзцев, он отправил свои последние резервы к воротам, но было уже поздно. Император поспешил в долину Ликоса, к воротам, через которые Джустиниани вошёл в город, и попытался организовать оборону, но защитники уже отступали. Далее в некоторых изложениях появляется упоминание некоего янычара Хасана, который во главе отряда числом в 30 человек смог ворваться в проход. Половина из них и сам Хасан были убиты, но остальные закрепились^[174]^[175]. Янычар Хасан не упоминается в описаниях современников. Его имя встречается впервые в «Хронике Магис» (Псефдо-Сфрандзи), являющейся фальсификацией XVI века авторства М. Мелиссургос-Мелиссеноса:

Некий янычар, по имени Хасан (а происходил этот гигант из Лупадия), левой рукой держа над головой щит, а в правой зажав меч, полез на стену — туда, где видел смятенье наших. За ним последовало примерно тридцать других, соревновавшихся с ним в мужестве. Наши же, что оставались на стене, поражали их копьями, били стрелами и скатывали на них огромные камни, так что восемнадцать из них было отогнано от стены. Но Хасан решил не останавливать натиск до тех пор, пока не взберётся на стены и не обратит наших в бегство. <...> было немало перебито турок. Упал со стены во время этой схватки и Хасан, сражённый каким-то камнем. Наши же, обернувшись к нему и увидев его лежащим, со всех сторон стали бросать в него камнями. Поднявшись на колено, он оборонялся, но от множества ран опустил правую руку и был засыпан стрелами

Последних защитников постепенно вытесняли к внутреннему валу, где они в большом количестве гибли во рву от османских снарядов. По словам Барбаро, «на восходе солнца турки вошли в город около Сан-Романо, где раньше были стены, сравняв с землёй их пушкой».

Немного иначе описывал события Дука. По его словам, уход Джустиниани не был критичным, уже после ухода Джустиниани защитники во главе с Константином отбили атаку османов у ворот Св. Романа. Но на стыке стен Феодосия и Влахернских, в секторе, защищаемом братьями Боккиарди, дляочных вылазок против османов защитники использовали небольшие ворота под названием Керкопорта (Цирковые ворота). Предположительно, кто-то забыл запереть их, это было быстро обнаружено отрядом янычар примерно из 50 человек, которые проникли в город и с тыла напали на осаждённых. Дука является единственным летописцем, сообщившим об этом. С. Рансимен придерживался версии Дуки и писал, что потерна Керкопорта была закрыта, её открыли для вылазки и оставили открытой по ошибке, чем и воспользовались осаждающие

Итог

Мы помним из рассказа что Фатих притаскивал корабли в Золотой рог но до него это сделал Олег князь киевской Руси

Потом последний штурм Константинополя он сделал как католические войска завевали Константинополь

В некоторых источниках идёт что Фатих приказал убить всех людей!

Так смотреть что османы не были хорошим в этом плане потому что Аллах запретил убивать людей которые не поднимают меч на тебя
Следующий что сделал Фатих это применял законы шариата на законы Византии
Вот ещё раз позже османы это факт для вас найден и на некоторых фотках показано как убивают один из них внизу

Вот вам какие плохие османы и можно их назвать Византия

Селим

Сейчас не будем всю историю Селима а самые плохие моменты. Их у него 3

1. Вышел против отца Баязида 2 и отравил когда отце отказал трон ради его
2. Это он убил всех братьев иза этого он прозвон Явуз
3. Он заставил халифа мутавакила 3 отказать себе титул халифа и передать ему но в хадисе(рассказа своими словами) послание Аллаха(с.а.в) говорил что может быть халифом только курайшит.

В этом случае Селим не знал нет он знал потому что каждого султана(императора) говорили читать книги все!

Сулиман тупой

По чёму не великолепны нет и нет он слуга женщины которая сказал ему убить сына своего и дал галату иудеям и убил хорошего визиря

Ахмад 3 и Петр 1

Вызвали что 1711 году Петр чуть не попал в плен османам но дурацких визирь их отпустил но их было в много раз больше Петра но из золото королевы Екатерины 1 он их отпустил но если взял бы Петра то взятая России бы у Османов. Даже бы дрожал бы Китай и Япония это им не было по уму?

АбдульХамид 2

Самый дурацкий султан Османов который отдал Египет Палестину Кавказ Ирак и обеденил мусульман и христиан в одно и создал музыку

Но на самом деле кто разрушил Османов

Ата турк или Мустафа Кемал иудей Который упразднил Халифат что Турция до сих пор живёт по его законов и даже в 2021 году они сделали вокруг ататурка памятника хадж Субханаллах

Вот он выкинул последнего султана или императора из горы

Содержание

Видение.....	2
Взятие Константинополя.....	2
Селим.....	17
Сулиман тупой.....	17
Ахмад 3 и Петр 1.....	17
АбдульХамид 2.....	18
Но на самом деле кто разрушил Османов.....	18